

Эстония. - Таллинн. - 1992. - 19 июня.

"ЕЩЕ ПАДАЕМ. НО УЖЕ СКОРО УПАДЕМ", -

печально подытожил мой собеседник режиссер Калью Комиссаров

- Как, на твой взгляд, что происходит сейчас в эстонском обществе? Растут озлобленность, нервозность - это ясно, это везде. А что особое, в чем специфика ситуации?

- Давай начнем с несчастья, вылившегося, в конечном счете, в счастье всех поработанных народов. 19 августа 1991 года - великий день. Эстония получила свободу незаметно и устало. Общество было готово к упорному сопротивлению, долгим боям, героизму на баррикадах. И вдруг - без единого выстрела, без жертв, без героев...

- Так это же хорошо!

- Конечно, хорошо, что без жертв. А без героев?.. Истоки того состояния, что царит сегодня, нужно искать в тех днях. Вглядываясь тогда в лица наших политиков, я просто чувствовал их разочарование.

- То есть сюжет борьбы за независимость был увенчан финалом хотя и победным, но не героическим. И это оставило чувство незавершенности.

- Ну да. Не было апофеоза. А просто - давайте, ребята, начинайте строить мирную жизнь. Как шок наступил. И нужно было время, чтобы из него выйти. Я уехал отсюда в ноябре в Монголию ставить Шекспира, но это другая история - вернулся в январе. Уехал из общества более-менее материально благополучного. Вернулся в сумасшедший дом - на бытовом, конечно, уровне. Хотя Сависаар и объяснял доступно, что все правильно, так и должно быть, это этап такой. Экономический спад - понятно, мы с тобой, помнишь, год назад и разговаривали под девизом "падать - это ничего, упасть - вот в чем мало приятного".

Вернулся и начал осматриваться: где враг? в чем спасение?

Ясно всем, что уже воровали как никогда раньше, и разворовали все государство. Ясно, что чем дальше тянется неопределенность с собственными деньгами тем выгоднее спекуля-

там. Рубль - враг. Но государству выгодно играть на разнице курсов.

- По старой советской традиции - государство и было всегда главным спекулянт.

- В том и дело. И каким удачливым: лес продавали за валюту, а на валюту покупали рубли, чтобы бюджет сбалансировать... Так что эта сказка пока не кончается. Но скоро крона будет у нас в зубах и останется последний враг: оккупационная армия на нашей территории. Уйдет она в конце концов. А воинственный пыл останется. И гляжу я, что ребята уже готовы к смене лозунгов. Вперед выходит требование реституции.

- Что такое реституция?

- А это то, чем можно бить друг друга до посинения. Требование восстановить конституцию 1938 года в полном объеме и всю законность - только на ее основании. Трех оставшихся в живых от старого Государственного совета - вперед. Чтобы вернуться точка в точку в тот момент, когда прекратилась история первой Эстонской Республики. А то, если ошибемся, что-нибудь не то построим. И если Эстония станет не такой, какой бы мы хотели ее видеть, то это, мол, случится именно потому, что мы промахнулись с возвращением прошлого.

- Это идея Липпмаа? У него второй по популярности рейтинг.

- И Липпмаа это же самое утверждает на полном серьезе. И о чем нам это говорит?

- О чем?

- О том, что здесь врагов можно будет найти сколько душе угодно. И воевать с ними, и опять драться за наше счастливое будущее, не щадя живота своего.

- То есть ты считаешь, что наша история движется поисками врагов?

- Именно. Чтобы не давать остыть жару сердец, нужно не ослаблять эскалацию. И за взрывом эмоций спокойно можно всем желающим разво-

рывать то, что еще не разворовано.

- Крона же прекратит процесс растаскивания.

- Посмотрим. Но реституция уже наготове. Гражданство еще свое не отыграло. Приватизация впереди - выяснить нужно, кто достоин, кто нет, тоже дело небыстрое.

- Все-таки, слава Богу, у нас тихо.

- Но живем-то не на острове. И для эстонцев из всего ужаса Карабаха, Южной Осетии и Приднестровья самое ужасное - Приднестровье, уж больно ситуация похожа. И такое впечатление, что наши политики раньше не успокоятся, чем доведут до какого-нибудь конфликта. Пострашней. Для апофеоза. Чтобы отстоять с оружием в руках. Барабаны ведь не смолкают.

- Ты думаешь?

- Я тебе простой пример приведу. Слышу передачу по эстонскому радио: какая-то репортерша в Ласнамяэской поликлинике из всех сил выжимает из врачей признание, что на эстонском языке здесь обслуживать никто не может. Ей объясняют: обязательно обслужим, врачи в этом заинтересованы. Если какой-то врач недостаточно хорошо по-эстонски говорит, то пациента примет другой врач, никто без помощи не останется. А репортершу это не устраивает - а если совсем старенькая бабушка, и вообще понимает только на родном языке, и ей к узкому специалисту, главному или ухом-горло-носу? Обслужим, найдем выход. Но журналиста это опять не устраивает, ей нужно доказать, что здесь обслуживание по-эстонски невозможно. Ну и зачем? Если бы это было для русских слушателей, я бы понял - к тому, что нужно овладеть эстонским языком. И это правильно. Но такая передача на эстонскую аудиторию годится только для поддержания боевого духа.

Конечно, недоразумения есть и в сберкассах, и, наверное, в тех же поликлиниках. Но

зачем так педалировать?

- Ну, Калью, нет ни одной хорошей мысли, чтобы ее нельзя было довести до полного абсурда. Таких примеров масса. Все идет по инерции - я прекрасно помню, что можно было на эту тему услышать или прочитать еще три года назад.

- Это не инерция. Это тренировка. И я пока не вижу никаких стимулов, которые подвигли бы людей к созидательной работе.

- А вот скажи, как относятся ко всему совсем молодые люди, твои студенты, будущие актеры и режиссеры?

- Если меня что и успокаивает, то это их отношение к происходящему. Полная ирония. Никаких богов. Нигилизм ко всякой политической возне. Они не воспринимают ни левых, ни правых, ни красных, ни синих-черно-белых... Я думаю, это самая здоровая в настоящее время реакция. И я думаю, что это они - люди, которые уже едут в новом поезде. А те, кто играет в свои игры и думает, что они машинисты, - те просто не заметили, что поезд уже отошел от платформы. Они остались в своем маленьком паровозике, а поезд идет в другую сторону.

- Какую?

- Нормальную. Демократическую. Умную. Это судя по моим студентам, я не знаю тех, кто изучает механику, математику. Среди тех же, кто прошел перед нашей приемной комиссией на предыдущих вступительных экзаменах, много умных. У них снова популярно читать и знать. Но с другой стороны - я никогда не слышал в устной речи абитуриентов русского акцента. А сейчас сплошь и рядом сталкиваешься с английским проносом. Вот откуда опасность для чистоты эстонского языка.

- Скажи, их нигилизм - это защита?

- Нет. Они считают, что есть вещи более важные, и с какой-то жалостью смотрят на

мужиков средних лет, играющих в политические игры. С жалостью и опаской. Они же слышат все время: отменят стипендии, сделают обучение платным. Я спросил своих - кому будет по карману учиться? Ни один из девятнадцати не поднял руки.

- Понятно. Конечно, трудно.

А как насчет того, что художник всегда в оппозиции?

- Они в здоровой оппозиции. Не хнычут, а учатся. Очень усердно и конкретно. Но к политической реальности они настроены иронически. И, насколько я понимаю, не видят никакой надобности в выходе на баррикады. Но и считать, что они пойдут за Келамом или Сависааром, - наверное, отойти от реальности.

- Но Сависаар и Келам все-таки, как говорят в Одессе, две большие разницы.

- Это просто пример.

- Ты в искусстве всегда был ужасным задирой. Начиная с знаменитого "Процесса", в котором добротный трагический сценарий взрывался участием и комментарием рок-группы, выведенной на сцену...

- Сейчас я ничего не могу делать. Самосожжение сегодня никого не волнует... А процесс иррациональности растет. Меня реально и конкретно волнует одна вещь. Не за какую конституцию будут голосовать. Не кто достоин, а кто не достоин. А то, что в Вильянди есть мальчик Лаури, у которого рак крови. И нужно сделать пересадку костного мозга. Операция эта стоит 76 тысяч долларов. Мы открыли специальный счет, фонд Лаури, если кто захочет помочь, можно обращаться в театр "Угала". Люди помогают, уже получено немало денег. Но самое идиотическое при этом, что в Эстонии, в Тарту, есть врачи, которые могут делать такие операции, они стажировались за границей, но нет аппаратуры, которая стоит порядка 50 тысяч долларов. И когда я гляжу на бесшумно каत्याщиеся по улицам Таллина "Мерседесы", "Аудио", "Форды", то мне наплевать на конституцию или реституцию, меня волнует, что такие дети, как Лаури, не могут получить помощь на родине. Я хочу, чтобы они ее получили.

И еще я хочу учить своих студентов...